

Литературная судьба песни о Нибелунгах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л64

Л64 Литературная судьба песни о Нибелунгах / – М.: Книга по Требованию, 2015. –
68 с.

ISBN 978-5-458-01918-7

ISBN 978-5-458-01918-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

современемъ приведетъ ученыхъ къ разысканію рукописей совершенно забытой поэзіи миннезингеровъ, а въ томъ числѣ и поэмы о Нибелунгахъ. Поэтому для насъ будетъ небезынтереснымъ бросить бѣглый взглядъ на эту дѣятельность.

Въ началѣ XVII столѣтія замѣтны уже усилія настоящихъ историковъ, вытекающія изъ побужденій чисто научныхъ, направленные не только къ знакомству со свѣтскими произведеніями старой литературы, но также и къ ихъ изданію. Таковой склонностью отличались особенно *Мельхиоръ Гольдштэ*, *Маркардъ Фрегера* и на ряду съ ними іезуитъ *Бровера*, историкъ Фульды и Трира. Но ужасы тридцатилѣтней войны своими тяжелыми послѣдствіями прерываютъ эту дѣятельность: нѣтъ не рѣшается при всеобщемъ объединѣніи затратить капиталъ на изданіе памятника, такъ что лишь нѣкоторыя изъ работъ Фрегера были напечатаны въ Вормсѣ. Однако уже въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія издательская дѣятельность замѣтно оживляется и раньше другихъ мы отмѣтимъ изданіе готскаго перевода библіи, исполненное *Францемъ Юніусомъ*. Французъ по происхожденію, нѣмецъ по воспитанію, онъ уже въ преклонныхъ годахъ съ юношескимъ жаромъ посвятилъ себя изученію сперва англо-саксонскаго языка, затѣмъ фризскаго и древненѣмецкаго, наконецъ готскаго. Онъ велъ свои занятія съ удивительной энергіей, собралъ массу научныхъ свѣдѣній и въ 1665 году издалъ въ свѣтъ готскую библію, переводъ Ульфилы IV столѣтія.

Затѣмъ цѣлые десяти лѣтъ продолжается затишье. Минуя незначительныя работы литургиковъ и теологовъ, можно сказать, что до конца XVIII ст. не проявляется еще научнаго интереса къ литературнымъ произведеніямъ нѣмецкаго прошлаго. Господствующій характеръ теологическихъ мудрствованій вращался въ колесѣ всевозможной путаницы и не выходилъ за предѣлы церковныхъ интересовъ. Изъ круга издателей, комментаторовъ, составителей словарей выдвигается лишь одинъ *Эккартъ*, занимавшійся мисеологическими изслѣдованіями: его работы имѣли важное значеніе, давая наукѣ иное направленіе и новое содержаніе. При всемъ томъ лишь въ концѣ XVIII ст. начинается новый періодъ для жизни средненѣвковой нѣмецкой литературы, когда произведенія

времени Гогенштауфеновъ приобрѣтають свое прѣжнее значеніе. Нѣмецкій языческій періодъ и германцы Тацита привлекають вниманіе ученыхъ, а старыя скандинавско-исландскія героическія пѣсни со своимъ мѣологическимъ характеромъ выходятъ на встрѣчу нѣмецкимъ древностямъ, затѣмъ нѣсколько позднѣе и *Гансъ Саксъ* (ум. 1576 г.), и прочая литература реформаціоннаго періода входятъ въ кругъ ученыхъ занятій и все это охватывается понятіемъ того времени, какъ древне-нѣмецкое.

Для насъ чрезвычайно интересно прослѣдить, какииъ путемъ произошла эта реставрація всего стараго, всего отжившаго, повидимому, неимѣвшаго ни малѣйшаго отношенія къ современности. Поэтому мы теперь и постараемся прослѣдить, какъ идея воскресить прошлое, зародившись въ головѣ одного человѣка, охватила все мыслящее нѣмецкое общество.

2. Открытіе пѣсни о Нибелунгахъ.

Въ прелестной долинѣ верхняго Рейна, тамъ гдѣ онъ быстро катитъ свои мутныя волны въ Боденское озеро, на спускахъ скалистыхъ горъ стоятъ два древнихъ замка. Свое начало ведутъ они изъ глубины среднихъ вѣковъ и называются *Гоген-Эмсами*. Долина, надъ которой они господствуютъ, принадлежала старой римской провинціи Ретии, соединившей затѣмъ культуру классическую съ преданіями остготовъ, занявшихъ эти мѣста. Расположившійся вблизи монастырь св. Галла сдѣлался очагомъ духовнаго просвѣщенія, колыбелью искусствъ и наукъ. Близкое соудство богатой культуры Италіи вносило благотѣльное вліяніе въ нравъ средневѣковой мѣстной нѣмецкой жизни.

Съ своихъ высотъ замки господствовали надъ веселой, богатой долиной Рейна и смѣло смотрѣли по ту сторону рѣки на сумрачныя вершины горъ. На этихъ высотахъ поселилась фамилія Гогенъ-Эмсовъ, возведенная въ XIV ст. въ графское достоинство. Многіе изъ ея представителей служили въ войскахъ Гогенштауфеновъ и принимали участіе въ италіянскихъ походахъ. Одинъ изъ нихъ, долго сражавшійся въ Италіи, соединялъ до-

блести рыцаря съ дарованіями поэта. Любовь къ литературѣ должна была, конечно, связаться въ пристрастіи въ старымъ національнымъ поэмамъ, языкъ которыхъ болѣе доступенъ для жителей горной Швейцаріи, сохранившихъ въ своихъ понятіяхъ, обычаяхъ, нравахъ и говорѣ больше чертъ древности, чѣмъ другія мѣста Германіи. Въ старыхъ наслѣдственныхъ архивахъ обладателей замковъ Гогенъ-Эмсовъ и затѣрялись рукописи о Нибелунгахъ, послѣ того какъ рыцарство начало терять свое первоначальное значеніе, когда поэтическое творчество пошло другимъ путемъ развитія, когда старый языкъ потерялъ свою прежнюю прелесть и удобопонятность. Подъ защитой неприступныхъ горъ, охраняемыхъ мрачными стѣнами замка, рукописи покоились здѣсь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ до половины XVIII ст.¹⁾

Попытки изданія древнихъ памятниковъ мы видѣли уже въ XVII ст., но это были явленія случайныя, не имѣвшія значительныхъ послѣдствій. Рѣшительный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ связанъ съ именемъ *Юанна Якова Бодмера*, профессора швейцарской исторіи въ Цюрихѣ. Историческія занятія навели его на слѣдъ старыхъ литературныхъ произведеній, намеки на которыя, какъ мы видѣли, встрѣчаются изрѣдка у его предшественниковъ.

Бодмеръ, какъ историкъ и въ то же время поэтъ, хотя и бездарный, долженъ былъ глубже интересоваться подобными памятниками. Швейцарскій діалектъ, удержавшій много чертъ древне-нѣмецкаго языка, облегчилъ ему доступъ въ нимъ. Его эстетическія воззрѣнія, отличавшіяся отъ господствовавшихъ тогда мнѣній школы лейпцигскаго ученаго, *Готшеда*, не помѣшали ему найти художественную красоту въ произведеніяхъ, не входившихъ въ кругъ сочиненій, одобренныхъ тогдашней педагогической эстетикой. Онъ былъ поклонникомъ Мильтона, Аріоста и Тассо и въ то же время находилъ особую наивную прелесть въ пѣсняхъ средневѣковыхъ миннезенгеровъ, какъ онъ вообще называлъ старыхъ лириковъ. Помимо историческихъ и эстетическихъ побужденій Бодмеръ, повидимому, интересовался сред-

¹⁾ *A. Schott, Geschichte des Nibelungenliedes. Deutsche Vierteljahresschrift 1843, II, 174—242.*

невѣковой лирикой еще потому, что она совпадала своимъ характеромъ съ современнымъ ему направлениемъ въ лирикѣ, которая въ лицѣ *Галедорна* (1708—1754), *Глейма* (1719—1803), *Михаэлиса* (1746—1772), пастора *Ланга* и его друзей¹⁾ нашла пѣвцовъ природной любви въ свободной, непосредственной формѣ выраженія чувственныхъ ощущеній. Старые лирики были поставлены на раду съ Гораціемъ и Анакреономъ и мало по малу начали привлекать въ себѣ, послѣ изданія Бодмера, всеобщее вниманіе.

Изданіе было начато въ 1748 году по парижской рукописи миннезенгеровъ подъ заглавіемъ „*Proben der altschwäbischen Poesie*“, при чемъ вышла въ свѣтъ и часть басенъ *Бонерія* (1324—1349). Однако это изданіе не возбудило особеннаго вниманія въ обществѣ. Преслѣдуя другія цѣли, раздѣляя инны симпатіи, руководители общественнаго мнѣнія остались равнодушными къ появленію въ печати миннезенгеровъ. Лишь одинъ совершенно неизвѣстный студентъ медицины берлинскаго университета, по имени *Яковъ Германъ Оберейтъ*, отозвался на это изданіе Бодмера. Онъ написалъ издателю стихотворное посланіе въ формѣ убійственнаго гекзаметра, заявляя о своемъ сочувствіи старымъ нѣмецкимъ литераторамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ этотъ Оберейтъ въ качествѣ практическаго врача попалъ въ Линдау на берегу Боденскаго озера. Здѣсь общіе интересы сблизили его съ Бодмеромъ, пріѣзжавшимъ изъ Цюриха почти ежегодно во время лѣтнихъ каникулъ подышать свѣжимъ воздухомъ прохладныхъ, тѣнистыхъ горъ, оеружавшихъ живописный Трогенъ. Всѣ эти мѣста расположены вблизи знаменитаго замка Гогенъ-Эмса и богатаго древностями Санъ-Галленскаго монастыря. Бодмеръ давно уже искалъ рукопись о Нибелунгахъ въ архивѣ замка Гогенъ-Эмса при посредствѣ друга своего, тоже врача, *Цельвегера* изъ Трогена; но всѣ усилія оказывались бесплодными. Наконецъ, 29 іюля 1755 года Бодмеръ получилъ письмо Оберейта, сообщавшаго о своей счастливой находкѣ. Въ Архивѣ замка Гогенъ-

¹⁾ *H. Kurz*, Geschichte d. deutschen Literatur, 1865, т. II, ср. 456.

Эмса, куда онъ получилъ доступъ, почти сразу попались ему въ руки два паргаменныхъ списка, одинъ пѣсни о Нибелунгахъ, другой Иосафата. Такимъ образомъ настоящимъ разыскателемъ пѣсни о Нибелунгахъ слѣдуетъ считать практическаго врача города Линдау, *Якова Германа Оберейта* ¹⁾.

Когда такимъ образомъ существованіе рукописи въ замѣѣ Гогенъ-Эмсѣ было удостовѣрено Оберейтомъ, Бодмеру оставалось лишь получить ее для снятія копіи, а черезъ два года послѣдовало самое изданіе пѣсни о Нибелунгахъ, но подъ нѣскольбо инымъ заглавіемъ. Вслѣдъ за пѣсней были изданы Парсиваль Вольфрама фонъ-Эшенбаха, Энеида Генриха фонъ-Вельдеке, Троянская война Конрада Вюрцбургскаго и Итальянскій гость Томазини. Важнѣйшія и большія по объему изданія были совершены между 1757—1759 г., какъ Бонерій, пѣснь о Нибелунгахъ и миннезенгеры.

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ нить, приведшую ученую мысль къ занятію старой нѣмецкой литературой, дойдя до открытія произведенія, ближе другихъ насъ интересующаго, мы воздержимся отъ дальнѣйшаго слѣдованія по пути открытія другихъ средневѣковыхъ памятниковъ и позволимъ себѣ подробнѣе рассмотреть, какъ исполнено было самое изданіе рукописи, содержащей поэму о Нибелунгахъ, и какія послѣдствія сопровождали появленіе въ свѣтъ этого „самаго совершеннаго представителя средневѣковой поэзіи“, говоря словами Бодмера.

3. Первые издатели пѣсни о Нибелунгахъ.

Снявъ копію съ Гогенъ-Эмсской рукописи, теперь обозначенной черезъ *C*, Бодмеръ издалъ въ 1757 году въ Цюрихѣ ²⁾, лишь вторую часть поэмы, оправдывая этотъ поступокъ такими словами: „первую половину“, говорить онъ, „я выпустилъ и думаю съ тѣмъ же правомъ, съ каковымъ Гомеръ оставилъ безъ вниманія похищеніе Елены, жертвоприношеніе Ифигеніи и всѣ событія

¹⁾ *Johannes Crueger, Der Entdecker der Nibelungen*. 1883, Frankfurt a/M. 47.

²⁾ *Chriemhilden Rache und die Klage; zwey Heldengedichte aus dem schwaebischen Zeitpunkte*. Zürich, 1757. (XVI, 286+64).

тѣхъ десяти лѣтъ, которые протекли до ссоры Ахилла съ Агамемнономъ“ (стр. VII). Повидимому, Бодмеръ не былъ доволенъ первой частью поэмы за то, что въ ней элементъ чудеснаго, невѣроятнаго занимаетъ видное мѣсто. По крайней мѣрѣ онъ говоритъ о „дѣтской наклонности въ преувеличенію и ложной вѣрѣ въ чудесное“ (стр. VII). Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень высокаго мнѣнія и о поэмѣ во всемъ ея объемѣ. Онъ не находитъ основанія предполагать, что когда либо она появится въ печати въ цѣломъ своемъ видѣ, да и вообще, по его мнѣнію, для славы нѣмецкаго прошлаго больше будетъ сдѣлано, если не все, скрытое еще въ пыли, будетъ вызвано въ свѣту. Поэтому при изданіи старыхъ памятниковъ онъ считаетъ необходимымъ руководиться строго обдуманнѣмъ выборомъ (стр. X).

Что же касается второй части поэмы, той, которую онъ издалъ, то объ ней онъ отзывался такъ: „она явилась продуктомъ не искусства поэта, знакомаго съ правилами объ единствѣ дѣйствія и цѣльности содержанія, но лишь его инстинкта или генія“; въ мести же Кримгильды онъ находитъ широкое и послѣдовательно развивающееся дѣйствіе (V).

Соглашаясь съ мнѣніемъ Бодмера, В. Гриммъ ¹⁾ также замѣчаетъ, что дѣйствіе собственно начинается лишь съ умерщвленія Зигфрида; все предшествующее служитъ только введеніемъ. Отсутствіе связи между первой и второй половиной поэмъ чувствовалось такимъ образомъ съ перваго уже появленія пѣсни въ печати. Позднѣе выиснувъ въ это явленіе глубже другіхъ Лахманъ и, исходя изъ предвзятаго теоретическаго взгляда на эпическое творчество, высказался противъ единоличнаго созданія поэмы. Бодмеръ же, прочитавъ въ концѣ Плача имя писца Конрада, полагалъ, что авторомъ поэмы о Нибелунгахъ былъ не кто иной, какъ Конрадъ Вюрцбургскій.

Это и было первое гадательное предположеніе объ авторѣ поэмы.

Изданіе Бодмера однако не обратило на себя никакаго вниманія и не произвело поворота въ изученіи нѣмецкихъ древ-

¹⁾ *W. Grimm, Die deutsche Heldensage. Göttingen 1829, стр. 63.*

ностей. Призывный голосъ, возбуждвшій общее вниманіе къ произведеніямъ безыскусственнаго народнаго творчества, хотя и ложно понимаемаго, вышелъ изъ среды поклонниковъ таеъ называемой природной поэзіи (*Naturpoesie*), считавшихъ истинными представителями послѣдней средневѣковыхъ миннезенгеровъ, изданныхъ, какъ мы видѣли, впервые Бодмеромъ. Эпосъ пока оставался еще въ тѣни.

Между прочимъ возростающій съ каждымъ годомъ интересъ къ старымъ нѣмецкимъ лирикамъ коснулся и *Лессинга*, хотя довольно поверхностно. Въ 1758 году онъ пишетъ предисловіе къ прусскимъ военнымъ пѣснямъ *Глейма* и въ качествѣ матеріала для него собираетъ всевозможныя старыя нѣмецкія боевыя и солдатскія пѣсни. При этомъ онъ читалъ и старую Книгу героевъ (*Heldenbuch*) и она навела его на мысль о Нибелунгахъ, только что передъ тѣмъ появившихся въ печати. Изъ нихъ онъ слѣмалъ извлеченія, долженствовавшія служить доказательствомъ прошлой доблести нѣмецкаго народа. При этомъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что господа швейцарцы, т. е. Бодмеръ и его пріатели, какъ Брейтингеръ, не обладаютъ надлежащимъ знаніемъ для изданія такихъ грандіозныхъ памятниковъ стараго языка и искусства. Его же собственныя занятія древней литературой дали ему возможность сравнить Глейма съ бардами, которыхъ онъ считалъ, какъ вообще тогда думали, за старыхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ, пѣсни которыхъ велѣлъ уже записывать Карлъ Великій.

Средневѣковой лирикой Лессингу пришлось заняться нѣсколько обстоятельнѣй, что вытекало изъ потребностей его литературныхъ и поэтическихъ трудовъ, но пѣснѣ о Нибелунгахъ особаго вниманія онъ не оказалъ. Это вполне естественно вытекало изъ его взгляда на эпосъ, высшимъ проявленіемъ котораго по его мнѣнію были Гомеровскія поэмы. Авторъ *Лаокоона*, весь провинутый чувствомъ безпредѣльнаго уваженія къ героямъ классической древности, не могъ остановиться надолго на произведеніи варварской эпохи своего народа. Только благодаря странному недоразумѣнію, именно вслѣдствіе ложнаго представленія о сущности поэзіи миннезенгеровъ, тогдашніе литератур-

ные дѣятели, съ *Клопштокомъ* во главѣ ¹⁾, обратились въ изученію средневѣковой лирики, гдѣ они надѣялись найти настоящихъ пѣвцовъ природной поэзіи. Это былъ, по словамъ В. Шерера ²⁾, революціонный періодъ нѣмецкой литературы, полетъ юности, проявленіе блестящаго воодушевленія и твердаго мужества. Цѣлый рядъ даровитѣйшихъ людей въ лучшемъ періодѣ жизни, исполненныхъ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій, выступалъ тогда на поприще литературной и ученой дѣятельности. Ихъ идеалами были Шекспиръ, Мильтонъ, Оссіанъ, народныя пѣсни и Гансъ-Савсъ. Имъ надобѣли желѣзные тиски мертвой эстетики Готшеда и его школы, стѣснявшіе свободный порывъ мысли, чувства, воодушевленія: ихъ влекло къ себѣ все свѣжее, молодое, непосредственно вытекающее изъ души, какъ свободная импровизація, какъ чистая поэзія. Теоретикомъ этого знаменательнаго періода нѣмецкой литературы былъ *Юлианъ Готфридъ Гердеръ* ³⁾ (1744—1803), сынъ бѣднаго школьнаго учителя восточной Пруссіи. Сперва изучалъ онъ хирургию, затѣмъ обратился къ философіи и теологіи, которыми занимался подъ руководствомъ *Канта* и *Гаманна*. По окончаніи наукъ сдѣлался учителемъ въ Ригѣ, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность, потомъ путешествовалъ во Франціи и въ Итали и, наконецъ окончательно поселился въ Веймарѣ. Основной чертой литературной дѣятельности Гердера слѣдуетъ считать его универсальность: его духъ и фантазія, его сердце и мысль охватывали все существующее; онъ искалъ и любилъ прекрасное во всѣхъ формахъ и видахъ проявленія жизни, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ, во всѣхъ искусствахъ и наукахъ; вся его жизнь была проникнута идеями и знаніемъ. При такомъ широкомъ взглядѣ на жизнь и на науку произведенія его отличались отрывочностью и неполнотою; но вліяніе ихъ на современное ему поколѣніе было безусловнымъ и полнымъ.

¹⁾ *Julian Schmidt*, Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessing's Tod, 1681—1781. Leipz. 1862. I, стр. 572 и слѣд., II, стр. 306 и слѣд.

²⁾ W. Scherer, Jacob Grimm. 1865, Berlin

³⁾ *Р. Гаймъ*, Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Москва, 1888.

Языкъ и поэзія по мнѣнію Гердера, развивавшаго геніальными замѣчаніями Гаманна и научныя указанія англійскаго ученаго Блавъуэлла, слиты вмѣстѣ. Языкъ не есть лишь орудіе мысли, но также хранилище и содержаніе литературы. Каждый языкъ представляется состоящимъ изъ мыслей, какъ бы отвердѣвшихъ, достигшихъ пластической формы, сдѣлавшихся доступными внѣшнимъ чувствамъ; это необозримая сокровищница понятій. Цѣлые ряды поколѣній вложили сюда свои идеи. Языкъ жилъ, развивался, проходилъ черезъ разные возрасты.

Первымъ, дѣтскимъ періодомъ жизни языка было время, когда человѣкъ не говорилъ, но издавалъ лишь звуки. Второй, юношескій возрастъ языка совпадаетъ съ тѣмъ состояніемъ чело-вѣка, когда *говорить* означало *пѣть*: это и есть настоящій, безсознательный періодъ природной поэзіи, которую хотѣли видѣть въ произведеніяхъ средневѣковыхъ миннеангеровъ. Третьей стадіей развитія языка, состояніемъ его возмужалости былъ разцвѣтъ прекрасной прозы, когда поэзія превращается уже въ искусство и постепенно удаляется отъ природы. Наконецъ, четвертый, старческій періодъ жизни языка наступаетъ въ то время, когда правильность замѣняетъ собою красоту, когда философія вытѣсняетъ поэзію ¹⁾).

Изъ этого различія періодовъ жизни языка само собою вытекаетъ противоположность природной поэзіи и искусственной. Идеальнымъ представителемъ первой былъ Гомеръ, но онъ одинъ, онъ недостижимъ. Можетъ быть и нѣмецкій народъ произвелъ бы своего Гомера, еслибы, говоритъ Гердеръ, пѣсни бардовъ и друидовъ, настоящихъ пѣвцовъ природы, не были потеряны. Около этого времени, въ 1768 году, появился первый томъ *Ossiana* въ переводѣ Дениса. Поющая природа въ пѣсняхъ Оссіана привлекла вниманіе Гердера, принявшаго поддѣльныя пѣсни Макферсона за настоящія народныя. Въ прекрасныхъ письмахъ объ Оссіанѣ, гдѣ онъ говоритъ вообще о народныхъ пѣсняхъ древнихъ народовъ, гдѣ онъ сравниваетъ вельтскихъ бардовъ съ Шекспиромъ и Клопштокомъ и ставитъ ихъ на ряду съ Гомеромъ,

¹⁾ Гаймъ, Op. cit., I, стр. 161 и слѣд.

Моисеемъ и Иовомъ, касается онъ также пѣсенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и слѣдитъ за бессознательнымъ проявленіемъ „духа природы“. Это былъ страстный, воодушевленный диаврамбъ всему тому, что, какъ вышло Гердеру, непосредственно вылилось изъ души народа того періода жизни, когда человѣкъ бессознательно производилъ высшіе продукты поэзіи ¹⁾).

Подъ вліяніемъ такого безусловнаго поклоненія безыскусственной поэзіи, народныя пѣсни заняли теперь существенное мѣсто въ отдѣлѣ нѣмецкой филологіи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Сборнымъ пунктомъ для работъ по этой отрасли знанія началъ служить журналъ „*Deutsches Museum*“, основанный въ 1776 году. Здѣсь еще разъ раздался голосъ Гердера въ защиту народной поэзіи. „Великое государство, говоритъ онъ, государство вмѣщающее десять народовъ, Германія! у тебя нѣтъ Шекспира, у тебя нѣтъ также никакихъ пѣсенъ твоихъ предковъ, которыми мы могли бы похвалиться, никакихъ выраженій твоей души отъ прошлаго времени. Нѣтъ сомнѣній, онѣ были, онѣ, быть можетъ, еще существуютъ, но лежатъ лишь въ пыли, онѣ непризнаны, онѣ презираются“ ²⁾). Эти мысли были высказаны двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія пѣсни о Нибелунгахъ, исполненнаго Бодмеромъ; въ таковой значительный промежутокъ времени никто еще не обратилъ серьезнаго вниманія на таковой замѣчательный памятникъ національной литературы. Такъ медленно росла слава народнаго эпоса.

Гердера можно назвать единственнымъ тогда человѣкомъ, охватывавшимъ всю область нѣмецкой филологіи во всемъ ея объемѣ. Онъ понималъ ея задачи и такъ сказать начерталъ планъ ея дальнѣйшаго развитія, а исполнители явились послѣ. Но если его дѣятельность подготовила собой періодъ романтизма и оказала прямое воздѣйствіе на нѣкоторыя идеи романтиковъ, ³⁾ то этимъ послѣднимъ обязана старая нѣмецкая литература, а въ томъ числѣ и народная поэзія, и пѣснь о Нибелунгахъ, тѣмъ

¹⁾ *Гайме*, *Op. cit.*, I, 482, 504.

²⁾ *W. Scherer*, *Jacob Grimm*, стр. 26.

³⁾ *Гайме*, *Op. cit.* I, стр. 772.